ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

НА РАБОТѢ

Разсказъ

К. Миронови

1903 г.

3-й экз.

„Пров 38“

225413

НА РАБОТѢ.

(Картинки изъ жизни рабочихъ).

I

Большіе стѣнные часы съ деревянными рѣзными колонками, шурша и точно откашливаясь, пробили девять.

Крюковъ оторвался отъ книги и, взглянувъ на черные лежавшіе передъ нимъ часики, сказалъ:

— Тьфу, чортъ побери! Однако, какъ время летитъ! Тамъ ждутъ, небось, а я здѣсь прохлаждаюсь.

Крюковъ торопливо одѣлся, потушилъ лампу и поспѣшно вышелъ на улицу, декламируя про себя свое любимое стихотвореніе:

Еще работы въ жизни много,
Работы честной и святой ...

Неприглядная улица рабочаго предмѣстья была слабо освѣщена рѣдкими фонарями. Глухая, безлюдная днемъ, она теперь преобразилась и имѣла довольно оживленный видъ. Всюду на тротуарахъ виднѣлись въ одиночку, попарно или группами рабочіе. Урвавши часокъ у своего короткаго сна, они медленно прохаживались, чтобы послѣ душныхъ и дымныхъ мастерскихъ подышать свѣжимъ воздухомъ.

Слышался тихій разговоръ; временами раздавался громкій смѣхъ и шутки.

Крюковъ перешелъ улицу къ крутому берегу Невы и невольно остановился, любуясь открывшейся передъ нимъ картиной.

Темно-синяя, казавшаяся безбрежной въ ночномъ сумракѣ рѣка слегка серебрилась, подернутая мелкой рябью. Стоящіе мѣстами по берегу электрическіе фонари ярко горѣли, освѣщая мрачные, безобразные корпуса. Прозрачныя полосы свѣта падали

снопами на серебристую поверхность рѣки, бороздили ее и дрожащими огненными столбами уходили далеко въ глубь. Большой съ красными фонарями пароходъ, шипя и фыркая, проползъ по срединѣ рѣки, разрѣзая ея поверхность. Волны быстро и весело, одна за другой, побѣжали къ берегу и съ тихимъ шумомъ и ропотомъ отбѣгали прочь, какъ будто жалуясь на неласковый пріемъ.

Крюковъ вдохнулъ полной грудью свѣжій влажный воздухъ. Его охватило какое то сладкое, томительное чувство. Ему захотѣлось долго, долго оставаться здѣсь, смотрѣть на дивную рѣку, на темное усѣянное милліонами звѣздъ небо, на таинственно чернѣвшій вдали лѣсъ. Не подалеку отъ него показались двѣ стройныя женскія фигуры, о чемъ то тихо разговаривавшія. Отдѣльныя доносившіяся до Крюкова слова возбудили въ немъ интересъ и любопытство. Онъ безсознательно началъ прислушиваться.

Здоровый ударъ по плечу и громкій заразительный смѣхъ вывели Крюкова изъ задумчиваго созерцательнаго настроенія. Онъ обернулся. Передъ нимъ стоялъ молодой жизнерадостный Васинъ, недавній ученикъ, а теперь одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей Крюкова.

— Ай да крестный! ай да молодецъ! Здорово стрелябію наводитъ! — Продолжая хохотать и покачивая головой, говорилъ Васинъ. — Славно, ей богу, славно, есть чему поучиться!

Крюковъ сдѣлалъ шагъ впередъ и крѣпко схватилъ Васина за плечо.

— Ахъ ты, свинья эдакая! Какъ же ты смѣешь такой поклепъ на невиннаго человѣка взводить?!

— Хорошъ невинный, нечего сказать! Мало одной, такъ сразу двухъ намѣтилъ. Только знаешь что, крестный, ничего тебѣ здѣсь не поддуетъ. Я уже

самъ подъ нихъ подстрѣливалъ, думалъ было подъ нашу вѣру подвести, да шишъ возьми: все не удается. Надо сестру Машутку настроить: она съ ними въ одномъ корпусѣ работаетъ — живо обломаетъ. Да ты куда же? спохватился вдругъ Васинъ.—Двинемъ туда, уже пора, — указывая на переулокъ, проговорилъ онъ.

— Успѣемъ... Пройдемся еще разъ. Ты посмотри, вечеръ то какой чудесный — прямо роскошь.

— Мало ли что на свѣтѣ хорошаго, да не для насъ.

— Почему не для насъ?

— А потому — вредно нашему брату. Размечтаешься да, пожалуй, завтра на работу не пойдешь, а потомъ и придется на царя ломать *) Ну, двигаемся, чего зря время то терять.

— Хорошо, будь по твоему! согласился Крюковъ, прибавляя шагу.

Пройдя три переулка и шмыгнувъ на всякій случай сквозь проходной дворъ, они скоро очутились передъ дверями квартиры Рыжева. Стукнувши условное число разъ и услышавъ въ отвѣтъ — „можно!“ они вошли въ комнату. Небольшая, низкая, съ порванными обоями, она освѣщалась дешевой лампой съ треснутымъ зеленымъ колпакомъ. Направо въ углу стояла желѣзная кровать, покрытая цвѣтнымъ байковымъ одѣяломъ. Надъ ней на стѣнѣ висѣли въ пыльныхъ деревянныхъ рамкахъ небольшія фотографіи Чернышевскаго, Некрасова, Успенскаго, Добролюбова. За квадратнымъ столомъ, покрытымъ бѣлой съ красными разводами клеенкой, сидѣло трое рабочихъ.

Слесарь Громовъ, худощавый съ высокимъ, выпуклымъ лбомъ, облокотившись на столъ, перелистывалъ

*) „На царя ломать“ значитъ работать за штрафъ.

послѣднюю книжку журнала. Стройный, широкоплечій, съ шапкой черныхъ волосъ токарь Рыжевъ, развернувъ карту Россіи, водилъ пальцемъ по ней, отмѣчая на ней что-то карандашемъ. Черезъ его плечо въ карту заглядывалъ Никитинъ — молодой сутуловатый парень, съ задумчивымъ лицемъ и едва пробивающимися черными усиками. Онъ что то записывалъ на клочкѣ бумаги.

Васинъ остановился и лукавая, насмѣшливая улыбка расплылась по его выразительному лицу.

— Что, отыскиваете, гдѣ революцію удобнѣе пускать?

— Тише, тише, черти! Небось, не въ Америкѣ живемъ, — съ свирѣпымъ видомъ привѣтствовалъ Рыжевъ вошедшихъ, быстро вскакивая со стула.

— Полайся, полайся еще, такъ получишь на орѣхи. Будешь знать, какъ съ порядочными людьми обращаться! отвѣтилъ Крюковъ, здороваясь съ присутствующими.

— Порядочными людьми! надѣлъ новое пальто и важничаетъ. Революціонеръ тротуарный!...

— Осторожнѣй, милостивый государь, осторожнѣй! а то вѣдь и ломотнаго пропишемъ, слегка наклонивъ голову и откинувъ правую руку назадъ, началъ Васинъ.

— А сколько васъ сушеныхъ на фунтъ потянетъ?

— Да меня одного достаточно будетъ.

— Тебя одного?!

— А ты что думаешь? Я еще и не такихъ смывалъ. Рыжевъ сдѣлалъ шагъ впередъ и схватилъ сильными жилистыми руками въ охапку Васина.

Васинъ безсильно барахтался упершись обѣими руками въ грудь Рыжева, — но всѣ его усилія вырваться были напрасны. Сильныя, жилистыя руки Рыжева сжали его, какъ въ тискахъ. Увидавъ, что дѣло его не выгораетъ, Васинъ опустилъ руки.

— Радъ, что человѣкъ не сопротивляется! Такъ то и всякъ можетъ. Ты бы еще на соннаго напалъ!

— Господа, я протестую противъ такого порядка вещей, — вставши со стула, торжественно вмѣшался Громовъ. — Что за мужичье такое!

Рыжевъ бросилъ Васина и медленно провелъ рукой по волосамъ.

— Ну вотъ, еще одинъ благородный человѣкъ нашелся! Тоже ротъ большой: пятикопеечная булка заразъ влѣзаетъ!

— Протестую, слышите: протестую!

— Протестуй, протестуй! Огрѣчалъ Васинъ, успѣвшій тѣмъ временемъ забраться на стулъ Громова и завладѣть его стакановъ чаю.—А я пока твой чай выпью. Сегодня морскую сволочь жралъ и страсть пить хочется.

— Ну нѣтъ, братъ, у насъ такъ не водится, бросаясь къ Васину и стараясь отнять стаканъ, говорилъ Громовъ.

— А у насъ уже давно обычай такой, ей богу! вырывался Васинъ, пряча стаканъ подъ столъ.

Громовъ оставилъ Васина и отошелъ на средину комнаты.

— Вотъ и водворяй съ вами, чертями, соціалистическій строй, комически развелъ онъ руками. — Изъ подъ рукъ у своего же брата рвутъ.

— Да я только за раздѣленіемъ труда наблюдаю; нельзя же за разъ два дѣла дѣлать — протестовать и чай пить.

— Оставьте, господа, ваши пренія. Всему свое время, — недовольнымъ тономъ прервалъ ихъ Никитинъ. — Вы вотъ что скажите, почему Кости съ Сашуткой такъ долго нѣтъ?

— Ты развѣ не знаешь? — Они совсѣмъ не придутъ, подходя къ столу, сказалъ Рыжевъ.

— Нѣтъ, почемъ же я знаю?

— Такой, братъ, ребята чести удостоились, что каждому въ провожатые двухъ шпіоновъ дали.

— Чортъ знаетъ, что такое! И тутъ тоже самое! Ну, скажите, какъ же эту сволочь не душить?—Никитинъ вскочилъ и быстро заходилъ по комнатѣ, кусая губы. — Давно уже?

— Третій или четвертый день.

— Чего же они ждутъ? Удирать нужно, а то заметутъ еще.

— Куда же удирать то? Подъ своимъ именемъ далеко не уѣдешь. Вотъ дядя обѣщалъ сегодня другіе глаза раздобыть, тогда можно.

— А что то его самого такъ долго нѣтъ? Ужъ не случилось ли и съ нимъ чего-нибудь? останавливаясь тревожно спросилъ Никитинъ.

— Ну, случиться то, положимъ, съ нимъ ничего не можетъ,— повертываясь на стулѣ возразилъ Васинъ,— онъ не изъ таковскихъ. Такъ гдѣ-нибудь задержался.

Въ дверь постучали, и въ комнату запыхавшись вошелъ Соколовъ.

— Дядя, дядя! радостно закричали присутствующіе, обступая вошедшаго.

— Да погодите, дайте отдышаться. — Соколовъ досталъ изъ кармана платокъ и вытеръ вспотѣвшій лобъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати трехъ, съ круглымъ лицемъ, обрамленнымъ русой бородкой. Большіе голубые глаза его пристально и спокойно смотрѣли изъ подъ нависшихъ бровей.

— Ну, теперь здорово, ребятишки! Богъ милости прислалъ, проговорилъ онъ, пожимая всѣмъ руки.

— А листки? нетерпѣливо перебилъ его Рыжевъ.

— Со мной, со мной, какъ же.

— Вотъ это хорошо! За это и угостить можно, хоть и порядкомъ заставилъ ты насъ себя пождать.

Соколовъ сѣлъ къ столу и медленно провелъ рукой по головѣ, поправляя волосы.

— Ничего, братъ, не подѣлаешь. И радъ бы поскорѣй, да нельзя было.

— Что, задержка вышла?

— Да, хвостъ привязался. Насилу отдѣлался.

— Гдѣ же ты подцѣпилъ его?

— Гдѣ? Вышелъ это я „съ багажемъ“; вижу прогуливаются два паука по тротуару; замѣтили меня и сразу горячо такъ заспорили, точно богъ вѣсть какими дѣлами заняты. Ну, думаю, надо смотрѣть въ оба. Свернулъ влѣво и давай переулками колесить. Одинъ за мной. Какъ тутъ быть? Махнулъ на конку. Онъ туда же. Я соскочилъ, да черезъ проходной дворъ. Оглядываюсь — и онъ тащится. Ахъ ты, удавъ проклятый! Постой-же, думаю. Я шляпу на затылокъ и полнымъ шагомъ — къ полю. Въ пустынномъ мѣстѣ обернулся и запустилъ руку въ карманъ, — гостинцу нащупать. Смекнулъ удавъ въ чемъ дѣло, повернулъ оглобли да назадъ. Вотъ такъ то, думаю, лучше. Ну, задалъ я огородами версты три крюку, да къ вамъ. Спасибо ногамъ — выносятъ.

— Да, тебѣ нечего бога гнѣвить, подставки благодатныя. Ну, подкрѣпись съ дороги.

Рыжевъ поставилъ на столъ полбутылки рябиновки и тарелку съ нарѣзанной колбасой.

Товарищи, болтая и пошучивая, выпили. Завязалась оживленная бесѣда. Соколовъ разсказывалъ о дѣятельности мѣстнаго комитета, о разныхъ планахъ и приготовленіяхъ: о томъ, сколько передано прокламацій на другіе заводы, какая получена литература и какъ идутъ занятія среди кружковъ. Васинъ то и дѣло перебивалъ его, предлагая различные вопросы. Другіе тоже останавливали, спорили, горячились.

— Ну, а листки какъ? забористы? Васинъ взялъ

у Соколова бѣлый свертокъ и досталъ печатную прокламацію.

— Ого! вотъ это хорошо! А сильно, братцы, здорово сказано! читая восторгался онъ.

— Такъ и дѣлали, чтобы хорошо было. А вотъ и глаза для незрячихъ. Посмотри-ка, какова работа?! Съ этими словами Соколовъ досталъ изъ бокового кармана завернутые въ бумагу паспорта и передалъ ихъ Рыжеву.

— Ну-ка, ну-ка, каковы глаза? Васинъ быстро вырвалъ у Рыжева паспортъ и поднесъ его къ свѣту. — Хороши, чортъ возьми, проговорилъ онъ, щелкнувъ пальцами. — А книжечку пятилѣтнюю раздобыть можно?

— Можно. Тебѣ что — развѣ требуется?

— Пока нѣтъ, а такъ, на всякій случай. Вѣдь это просто восторгъ одинъ! Сегодня ты тульскій мѣщанинъ Дмитрій Сафроновъ Васинъ, а завтра можно въ какого-нибудь Черта Ивановича, московскаго дворянина Дубасова преобразиться!

— Тебѣ и подходитъ. По всѣмъ ухваткамъ — дворянинъ, да еще московскій! Ну-ка, дай сюда. — Рыжевъ взялъ паспортъ у Васина и тщательно завернулъ его въ бумагу. — Ты что, дядя, самъ передашь или мнѣ препоручишь?

— Нѣтъ, самому придется. Кстати потолковать кое о чемъ надо. Ну, да объ этомъ послѣ, а сейчасъ листки распредѣлимъ.

— А сколько ихъ? нетерпѣливо перебилъ Васинъ.

— Восемьсотъ.

— Что-о? кой же тутъ чертъ. Для такого завода и восемьсотъ штукъ! Мнѣ одному четыреста надо.

— Мало ли кому что надо. Мнѣ вотъ домъ такой надо, гдѣ бы хорошую скоропечатню устроить, да нѣтъ его.

Васинъ на минуту задумался. Слова Соколова

задѣли его, что называется, за живое. Онъ уже и раньше не разъ мечталъ о собственной тайной типографіи, строилъ разные планы. Даже досталъ чертежъ небольшого типографскаго станка и тайкомъ приготовлялъ на заводѣ отдѣльныя мелкія части, не говоря пока ни слова товарищамъ.

— Да это бы хорошо, согласился Васинъ. Хоть бы не домъ, а домикъ, но только бы такой, что-бы комаръ носу не подточилъ. Есть у меня тетка, просвирней при церкви Кирилла-Меѳодія живетъ; совершенно отдѣльный домикъ въ оградѣ у нея. Мѣсто святое, ни одна сволочь туда не заглядываетъ. Вотъ бы мнѣ у нея поселиться. Хорошо бы. Конечно, скоропечатни тамъ не соорудишь, а станокъ небольшой поставить можно-бы....

— А послѣ обѣдни и прокламаціи у церкви раздавать, — съострилъ Рыжевъ.

— Что же, зимой и это можно. Темно. Накинетъ сестра Машутка черный платокъ на плечи — она у меня артистъ-дѣвка — станетъ у дверей и пошла рвать: „Вотъ, дескать, православные, сказаніе о симонахъ-мулымонахъ лѣнтяяхъ преподобныхъ!“ И насчетъ оружія тамъ устроить можно.

— Какого оружія? Соколовъ пересталъ улыбаться и пристально посмотрѣлъ на Васина.

— Да хотя бы револьверовъ штукъ десятокъ.

— А для чего?

— А для того, что я не согласенъ больше выходить на демонстрацію съ голыми руками. Будетъ ужъ, сыты по горло. Достаточно молча подставляли спину подъ казацкія нагайки. Что мы, въ самомъ дѣлѣ, скоты безсловесные, что ли? Я такъ думаю: или грудь въ крестахъ или голова въ кустахъ. Что-нибудь одно.

— Мысль хорошая, только не съ теткой это дѣлать..... Наступило тяжелое молчаніе. Слова

Васина невольно заставили всѣхъ призадуматься. Борьба за свѣтлое будущее, за счастье и волю всего человѣчества захватывала и волновала каждаго. Каждый мыслилъ и жилъ, все болѣе и болѣе понимая и ощущая ея потребность. Сознаніе долга и человѣческаго достоинства развивали въ каждомъ отзывчивость ко всему справедливому, вызывали протестъ противъ произвола. Служеніе добру и истинѣ поднимало и воодушевляло. Каждый сознавалъ и чувствовалъ, что такъ, какъ было раньше, продолжаться не можетъ, что всякое безнаказанное издѣвательство оскорбляетъ, унижаетъ и заставляетъ глубоко страдать всякаго. Но въ то же время тревожное, безпокойное чувство невольно закрадывалось въ душу. Сознаніе тяжелой нравственной отвѣтственности, которую приходится теперь брать на себя, поднимало цѣлую бурю мучительныхъ думъ.

Безповоротно рѣшилъ для себя этотъ вопросъ Соколовъ. Много онъ пережилъ и передумалъ за это время, много провелъ мучительныхъ безсонныхъ ночей, прежде чѣмъ дошелъ до такого рѣшенія. Часто среди ночи, лежа безъ сна, онъ мысленно переживаетъ событія послѣднихъ лѣтъ. Онъ напрягалъ всѣ свои умственныя силы, стараясь разобраться въ нихъ, найти какой-нибудь другой выходъ, но напрасно.

Передъ нимъ проносился цѣлый рядъ стачекъ, заканчивавшихся арестомъ, избіеніемъ и разстрѣливаніемъ мирныхъ рабочихъ; голодные, ограбленные, доведенные до отчаянія мужики, которыхъ запарываютъ до смерти и разстрѣливаютъ, когда они не въ силахъ больше сносить молча измывательства помѣщиковъ и начальства; близкія, дорогія лица замученныхъ въ тюрьмахъ и крѣпостяхъ товарищей; десятки и сотни мирныхъ, безпощадно избиваемыхъ демонстрантовъ; всѣ тѣ оскорбленія и издѣватель-

ства, которымъ ихъ подвергали въ участкахъ и тюрьмахъ, всѣ тѣ ужасы и злодѣйства, которые совершаются ежедневно, ежечасно. Соколовъ готовъ былъ помириться, готовъ былъ забыть всѣ тѣ лишенія и невзгоды, которыя онъ вытерпѣлъ самъ во время своего пребыванія въ тюрьмѣ и ссылкѣ; но онъ не могъ вынести, не могъ примириться со всей той бездной страданія, которое терпятъ тысячи невинныхъ людей, отъ которыхъ стонетъ и задыхается несчастная родина. Онъ ясно сознавалъ, какую тяжелую нравственную отвѣтственность беретъ на себя, понималъ, что всѣ эти близкіе и дорогіе ему люди, съ которыми онъ провелъ столько свѣтлыхъ, отрадныхъ минутъ, рискуютъ головой, могутъ не вернуться, — и въ то же время все болѣе и болѣе убѣждался, что другого выхода нѣтъ: силѣ нужно противопоставить силу.

Безповоротно рѣшили для себя этотъ вопросъ и Рыжевъ и Васинъ. Тяжелыя, ужасныя сцены послѣдней демонстраціи, которой они были свидѣтелями, глубоко потрясли ихъ и тяжелымъ укоромъ стояли передъ глазами. — Вотъ они на Невскомъ, раздается громкое, дружное „ура!“ и красное знамя развивается надъ головами. Почти въ то же мгновеніе налетаютъ на демонстрантовъ конные городовые и жандармы, и начинается звѣрское избіеніе... Вотъ молоденькая, съ блѣднымъ, разсѣченнымъ, окровавленнымъ лицомъ курсистка, преслѣдуемая жандармами, проскочивъ между лошадьми, старается спастись на другую сторону.... „Бей! бей!“ визгливо командуетъ налетѣвшій на нее жандармскій офицеръ. Здоровый озвѣрѣвшій городовой сильнымъ ударомъ кулака сшибаетъ ее съ ногъ и продолжаетъ бить лежащую. Рыжевъ и Васинъ бросаются на городового, но жандармы оттѣсняютъ ихъ лошадьми, награждая ударами нагаекъ.... Съ безсильной зло-

бой въ груди, готовые плакать отъ оскорбленія и обиды, вернулись они домой.

Васинъ первый прервалъ молчаніе.

— Если съ теткой такія дѣла не дѣлаютъ, такъ надо объ этомъ дядямъ подумать. А съ пустыми руками я больше выходить не желаю.

— Подумали, не безпокойся. — Соколовъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Какъ? уже?! Значитъ, и мнѣ одинъ удѣлите?

— Можно и тебѣ одинъ.

Васинъ выпрямился и глаза его заблестѣли.

— Только посильнѣе! Ужъ и чмокну какое-нибудь его благородіе; запрыгаетъ отъ радости!

— Ну, къ дѣлу, господа! Покончимъ съ прокламаціями, а завтра въ ночь выйдемъ, да и за дѣло со Христомъ. — Соколовъ подошелъ къ столу и взялъ свертокъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, дядя, запротестовали всѣ въ одинъ голосъ. — Тебѣ самому на заводъ выходить нельзя.

— Это почему?!

Завязался горячій споръ. Каждый хотѣлъ занять болѣе отвѣтственный и опасный постъ, получить больше прокламацій. Въ особенности волновался и кипятился Васинъ. Онъ бѣгалъ по комнатѣ, размахивалъ руками и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы ему дали меньше трехсотъ штукъ. Наконецъ, порѣшили отправиться на заводъ только вчетверомъ, а Соколову и Рыжеву поручили заняться расклейкой по улицѣ.

— Ну, а теперь и ко дворамъ время. Двѣнадцатый часъ, — посматривая на часы, сказалъ Соколовъ. — Только выходить по двое и безъ шуму.

— По одному еще лучше, вставилъ Васинъ. — Впрочемъ, намъ съ крестнымъ и вдвоемъ можно: мы по конспиративнымъ переулкамъ. До свиданья!

Васинъ съ Крюковымъ направились къ двери и тихо спустились по лѣстницѣ. Скоро разошлись и остальные.

II

Второй часъ ночи. Громадное зданіе механической мастерской, все заставленное большими токарными, строгальными, долбежными и сверлильными станками, ярко освѣщено висящими у самого потолка электрическими фонарями. Работа въ полномъ ходу. Люди съ блѣдными, усталыми, истомленными лицами стоятъ у машинъ и, напрягая послѣднія силы, управляютъ и смотрятъ за производимой ими работой. Въ головѣ шумитъ и кружится, какъ будто чѣмъ то острымъ ударяютъ по ней; усталыя вѣки невольно смыкаются и красно-зеленые круги мелькаютъ передъ глазами; руки онѣмѣли и слабо поднимаются, какъ будто послѣ тяжелой болѣзни; во всемъ тѣлѣ чувствуется какая то острая, ноющая боль. У всѣхъ одно нетерпѣливое, мучительное ожиданіе — скоро ли шабашъ, скоро ли можно будетъ ткнуться хотя бы здѣсь, на этомъ грязномъ полу, на острыхъ стальныхъ, желѣзныхъ и чугунныхъ стружкахъ и забыться въ короткомъ тревожномъ снѣ. Но неумолимыя машины, какъ будто издѣваясь надъ людьми, все сильнѣе ревутъ и стонутъ. Большіе, конусообразные, съ выпуклой серединой шатуны, то поднимаясь, то опускаясь, съ злобнымъ шипѣньемъ и фырканьемъ поворачиваютъ колѣнчатый валъ, отбрасывая уродливыя движущіяся тѣни на мрачныя стѣны. Длинные приводы съ насаженными разнокалиберными шкивами, скрипя и лязгая, быстро вертятся и стонутъ, напѣвая свое зловѣщее: „не уйдете, не уйдете!“ Черные, закопченные ремни, съ

злорадным шопотомъ скользятъ и бѣгаютъ по шкивамъ, какъ будто цѣпкія лапы громаднаго хищнаго паука, выжидающаго свою добычу...

Крюковъ, положивъ рѣзецъ на плечо, медленной, развалистой походкой идетъ между большими рокочущими токарными станками по направленію къ точилу. Его продолговатое съ правильными чертами лицо спокойно и рѣшительно. Большіе каріе глаза пристально смотрятъ во всѣ стороны, какъ будто ожидая нападенія врага. Разбросавши прокламаціи въ литейной и сборочной, онъ съ тѣмъ же намѣреніемъ уже въ четвертый разъ проходитъ здѣсь, но все не удается. Сторожа съ бляхами на груди ходятъ взадъ и впередъ по обѣимъ сторонамъ мастерской, наблюдая, что дѣлается въ ней. Люди то и дѣло отрываются отъ машинъ, повертываются и смотрятъ: малѣйшая неосторожность — и все пропало. Но больше медлить нельзя, скоро шабашъ. Крюковъ закурилъ папиросу и, сжавъ въ рукѣ двѣ сложенныя вчетверо прокламаціи, слегка нагнулся, какъ будто почесывая ногу, и бросилъ ихъ подъ станокъ, куда не проникали лучи электрическаго свѣта; потомъ подъ другой, третій, четвертый...

— Что, или свое-то точило плоховато? позѣвывая, обратился къ нему стоявшій за самоходомъ у большаго станка токарь съ черной бородой, которому Крюковъ только что успѣлъ сунуть въ станину прокламацію.

— Какое у насъ точило — того гляди, рукой попадаешь, — вставивши нѣсколько крѣпкихъ словъ по адресу точила, отвѣтилъ Крюковъ. — Курите? открывая портсигаръ, спросилъ онъ собесѣдника.

— Да, пожалуй, выкурю одну. Что же вашъ мастеръ то смотритъ? или мало несчастій было?

— До того ли мастеру? Ему въ пору расцѣнки сбавлять!

— Ишь, сволочь паршивая! Куль бы ему изъ-подъ уголья на голову, да темную устроить.

— Слѣдовало бы, согласился Крюковъ, да некому; народъ то у насъ не такой.

— То-то вотъ и есть, что дуракъ нашъ братъ; сами себя губимъ. Ишь, тоже рѣзецъ притупился — точить надо, — сказалъ собесѣдникъ, останавливая станокъ.

Крюковъ, между тѣмъ, подошелъ къ каменному быстро вертѣвшемуся точилу, выточилъ рѣзецъ и, обрызганный желтой, грязной водой, направился по другому ряду станковъ, продѣлывая съ прокламаціями ту же операцію, что и въ первомъ ряду. Покончивъ съ разбрасываніемъ прокламацій, онъ прошелъ мимо сторожа въ свою мастерскую, обтирая грязную воду съ блузы и посылая крупную брань по адресу точила.

— И чего лается, подумаешь! Вишь ты — точило его обрызгало. Настоящая неумытая мастеровщина! Вотъ и возьми такого куда-нибудь въ хорошую гостинницу господамъ прислуживать! посматривая вслѣдъ Крюкову, проворчалъ старикъ сторожъ, служившій когда то въ трактирѣ средней руки и считавшій это время самой счастливой порой своей жизни.

— Что, всѣ разбросалъ? ничего не осталось? остановилъ Крюкова въ проходѣ запыхавшійся Громовъ.

— Нѣтъ, штукъ съ восемь еще есть...

— Дай мнѣ, пожалуйста. Штукъ сорокъ еще до зарѣзу нужно, а нѣтъ! Къ Никитину бѣгалъ — тоже всѣ.

— Мнѣ самому нужно, у входа приклеить.

— Сорвутъ еще у входа, зря пропадутъ, а я съ пользой употреблю. И Никитинъ вырвалъ у Крюкова прокламаціи и быстро скрылся.

Въ это самое время, Васинъ съ чертежемъ въ ру-

кахъ подходилъ къ большому полукруглому зданію кузницы. Кругомъ все было темно и мрачно, только съ боку кузницы, на довольно значительномъ разстояніи горѣлъ электрическій фонарь, бросая вокругъ дрожащій свѣтъ.

— Вотъ молодцы то, только до двѣнадцати работали. Точно знали, что я приду прокламаціи разбрасывать. Славно, ей богу, славно, самодовольно говорилъ Васинъ, помахивая свернутымъ въ трубку чертежемъ, но вдругъ осѣкся.

Неожиданно Васинъ увидалъ, что передъ самымъ его носомъ кто-то заворочался, уставляя на него свои блестящіе глаза.

— Добрый вечеръ! Что, развѣ кузница-то не работаетъ? Я было за шалнирами пришелъ, — останавливаясь, развязно проговорилъ Васинъ, но не получилъ никакого отвѣта.

— Не работаетъ кузница-то, спрашиваю? дѣлая шагъ впередъ и стараясь разсмотрѣть, кто передъ нимъ, повторилъ онъ.

— Ррр...гамъ-гамъ! раздались, вмѣсто отвѣта, рычанье и лай собаки.

Фу, будь ты неладна! Что-же ты, сволочь, своихъ не узнаешь!? Вмѣсто того, чтобы помочь, она еще мѣшаетъ. Вѣдь кажется, такой же нашъ братъ, пролетарій, даже безъ ошейника, что безъ паспорта. Самой отъ полиціи житья нѣтъ, здѣсь спасается, а еще намъ противодѣйствуетъ! слегка вздрогнувъ и замахнувшись на собаку чертежемъ, полусердито-полувесело проговорилъ Васинъ, у котораго отлегло отъ сердца.

Собака молча отбѣжала въ сторону, какъ будто чувствуя себя виноватой.

— Что, небось совѣстно стало? То-то! Ну, отсюда и начать можно, рѣшилъ Васинъ, входя черезъ боковую дверь въ кузницу.

Въ кузницѣ было жарко и душно. Ѣдкій, рѣжущій до боли глаза дымъ и смрадъ густыми облаками стелились по ней. Большія, нагрѣтыя до красна болванки лежали по среди кузницы, издавая нестерпимый жаръ. Раскаленныя нагрѣвательныя и сварочныя печи, зіяя точно пастиада, выбрасывали по временамъ бѣлые языки пламени. Паровыя трубы шипѣли и бурчали, какъ будто сговариваясь сожрать всякаго, кто осмѣлится къ нимъ приблизиться.

— Однако, не комфортабельно здѣсь! Пожалуй что ни въ какомъ аду того нѣтъ. Вотъ бы сюда разжирѣвшихъ святыхъ отцовъ изъ Невской Лавры хотъ на денекъ запрятать: не стали бы вѣчными муками народъ морочить. Охъ, сволочь! какая же горячая, невольно выругался Васинъ, отдергивая руку отъ наковальни. Нѣтъ, на наковальни класть не стоитъ, лучше по ящикамъ разложить. Вотъ такъ, вотъ! читай, ребята, на здоровье, набирайся ума-разума! — Приговаривалъ Васинъ, раскладывая прокламаціи по крышкамъ инструментальныхъ ящиковъ.

— Здѣсь, кажется, Семеновъ работаетъ; ему три положу, — парень съ головой, зря не броситъ. На и тебѣ, толстый чортъ, не обижайся, что забыли. — Прокламація черезъ разбитое стекло полетѣла въ конторку мастера. Теперь здѣсь еще метну, и ладно будетъ. Васинъ перешелъ на другую сторону, продолжая раскладывать прокламаціи. Дойдя до конца, онъ вышелъ и направился въ свою мастерскую. Вбѣжавъ по широкой желѣзной лѣстницѣ на второй этажъ, и миновавъ цѣлый рядъ токарныхъ станковъ, онъ подошелъ къ тискамъ, у которыхъ работалъ, и бросилъ чертежъ на верстакъ.

— Довольно, Митя, стараться! Отдохни. Всѣхъ денегъ не заработаешь, а спину сломаетъ скоро, — дружески обратился къ Васину, проходя мимо него,

добродушный, уже пожилыхъ лѣтъ инструментальщикъ Власовъ.

— Какой тутъ къ чорту — всѣхъ денегъ! Я сегодня ничего не заработалъ. То чертежъ происказъ сколько времени, а ты вотъ сталью удружилъ, спасибо тебѣ: то и дѣло зубила ломаются, опять поправлять нужно, недовольно сказалъ Васинъ, показывая Власову сломанное зубило.

— Да, сталь не важная, — согласился Власовъ и направился къ себѣ въ инструментальную.

— Проклятіе! двадцать минутъ до шабашу остается. Надо торопиться! взглянувъ на часы, озабоченно подумалъ Васинъ и, взявши снова чертежъ въ руки, направился между станками вдоль мастерской, какъ будто что-то отыскивая.

Здѣсь мастерская была гораздо короче и уже механической; станки стояли также небольшіе, приспособленные для средней и мелкой работы, и работала преимущественно молодежь. Нѣкоторые изъ нихъ не вышли въ ночь, другіе, зѣвая во весь ротъ, лѣниво и вяло работали, ругая заводъ, администрацію и особенно мастера, который сегодня все время оставался въ мастерской. Сторожа, такъ же какъ въ механической, ходили взадъ и впередъ и, зная по опыту, что за молодежью углядѣть трудно, зорко посматривали вокругъ.

— Лакеи, холопы! пѣшки безмозглыя! шепталъ Васинъ, злобно посматривая на сторожей.

— Что же теперь дѣлать? Развѣ спрятаться гдѣнибудь за ящикомъ и послѣ шабашу раскидать? Дверь запрутъ, выйти нельзя будетъ. Такъ оставить? Нѣтъ, лучше пусть попадусь, а раскидаю.

Васинъ быстро вытащилъ изъ кармана прокламацію, но вдругъ глаза его остановились на длинной собранной веревкѣ, лежавшей у ящика. Лицо его сразу просіяло.

— Нѣтъ, Митьку чортъ не обманетъ! — онъ молитву знаетъ, подумалъ радостно Васинъ и вернулся къ тискамъ.

Взявши острую плоскую пилу и подаваясь всѣмъ корпусомъ то взадъ, то впередъ, онъ сталъ выпиливать стальной конусный выстроганный клинъ. Его жилистыя руки, точно приводимыя въ движеніе паромъ желѣзные шарниры, машинально сгибались и разгибались, водя пилой по стальной поверхности клина: пила тихо рычала, точно чѣмъ то недовольная.

— Ну вотъ и вѣрь вамъ въ другой разъ. Все говорилъ цѣна дешева, ничего не заработаешь, а самъ ишь сколько наворочалъ, — проговорилъ мастеръ, подходя къ Васину и показывая на готовую, лежащую на верстакѣ работу.

— Сколько же наворочалъ?! Еще двойного не обогналъ. А работаю то точно чортъ. („Двѣ мастерскія прокламаціями заполонилъ, да вотъ третью хочу“ — подумалъ про себя Васинъ.).

— Все время отъ тисковъ не отхожу. Вѣдь если такъ недѣлю проработать — въ чахотку произойдешь.

— Толкуй ка ты, кто отколь, а я, братъ, самъ московскій, самодововольно проговорилъ мастеръ и направился къ выходу.

— То-то ты и дуракъ такой! покачавъ головой, насмѣшливо произнесъ ему вслѣдъ вполголоса Васинъ.

Сильный электрическій звонокъ раздался въ мастерской, извѣщая объ окончаніи работъ. Всѣ опрометью, толкая другъ друга, бросились къ выходу внизъ по лѣстницѣ.

Васинъ побѣжалъ къ ручкѣ выключителя и откинулъ ее вверхъ. Электрическіе фонари моментально потухли.

— Кто электричество потушилъ? Выйти изъ ма-

стерской всѣмъ не дали, не успѣли, черти! Мастеру буду жаловаться, — ругался внизу сторожъ, запирая дверь.

— Жалуйся, лакейская образина — влетитъ вамъ завтра, проговорилъ Васинъ и, доставъ изъ кармана прокламаціи, поспѣшно сталъ раскладывать ихъ по станкамъ. Дойдя до того мѣста, гдѣ замѣтилъ раньше веревку, Васинъ нагнулся и взялъ ее подъ мышку.

— Ну, Петруха, послѣднія двѣ прокламаціи вамъ съ братомъ жертвую. Читайте и радуйтесь. Васъ я тоже скоро къ дѣлу приспособлю. Довольно дармоѣдничать, пора и самимъ за работу, — сунувши прокламаціи въ открытый шкафъ, сказалъ Васинъ и подошелъ къ большому окну, выходившему на берегъ рѣки. Онъ открылъ его и осторожно началъ осматриваться: никого не было видно, только издали доносился топотъ и стукъ ногъ, шедшихъ по двору рабочихъ.

Онъ взялъ оба конца веревки въ руки, сравнялъ ихъ и спустилъ внизъ съ боковъ крестовины; потомъ, ставъ на окно и держась за средину веревки, безшумно спустился внизъ.

— Ай да я, вполнѣ могу быть пожарнымъ! Съ этими словами Васинъ сдернулъ веревку и бросилъ ее на вагончикъ съ углемъ. Потомъ онъ повернулъ за уголъ и вышелъ къ воротамъ, гдѣ рабочіе, становясь въ ряды, подходили къ обыску.

— Ну, поскорѣй, поскорѣй, поворачивайтесь, не бойсь — не на гулянье пришли, — проходя мимо сторожей, замѣтилъ Васинъ.

— Успѣешь, не напирай, — прикрикнулъ на него одинъ изъ сторожей, — не то и шапку назадъ закину.

— Я, пожалуй, иному дураку такъ закину, что со смѣху покатится, — останавливаясь, вызывающе проговорилъ Васинъ.

— Дай, дай ему въ сопатку, а то мы... Вишь какая сволочь — шапки назадъ закидывать будетъ! Послышалось спереди нѣсколько одобрительныхъ голосовъ. Сторожъ замолчалъ, продолжая свое дѣло.

— Неужели они всѣ уже прошли, не подождали, — выходя за ворота, думалъ Васинъ. — Нѣтъ, вонъ одинъ ждетъ еще, обрадовался онъ, завидя тихо идущаго впереди Крюкова.

Онъ подбѣжалъ къ нему и крѣпко обхватилъ его руками.

— Ну, чужеспинникъ, какъ дѣла то?

— Оставь ты баловаться, или не наработался?! заворчалъ Крюковъ, освобождаясь отъ Васина.

— Не сердись, крестный! Ей Богу, дѣла веселятъ, сердце радуется, а въ такую минуту я и самъ не свой.

— Что, все хорошо удалось устроить?

— Надо лучше, да не куда.

— Въ котельной и кузницѣ?

— И въ котельной, и въ кузницѣ. Въ кузницѣ на собаку налетѣлъ, чортъ бы ее побралъ. Перепугался малость.

— Какъ на собаку?

— Да такъ. Иду-смотрю, что то ворочается. Я сперва думалъ сторожъ: спросилъ, работаетъ ли кузница, а она мнѣ въ отвѣтъ: „гамъ! гамъ!“

— А потомъ?

— А потомъ видитъ, что свой братъ-пролетарій о достиженіи свободы и лучшей жизни старается, замолчала и отбѣжала въ сторону. Знаешь, какая мнѣ мысль приходитъ въ голову? — продолжалъ Васинъ. — Хорошо бы обучить собакъ прокламаціи разбрасывать у насъ въ мастерскихъ, ей богу! Кстати Жучка ощенилась — пять штукъ. Небольшія еще, а умныя бестіи, уже служатъ и лапу даютъ.

А когда долго не занимаешься съ ними — подбѣгутъ и давай за брюки дергать.

— Это ты гдѣ же такой методъ о собакахъ вычиталъ? — улыбаясь, спросилъ Крюковъ.

— И никакого тутъ метода нѣтъ. Сначала надо обучить простую газету отъ одного къ другому переносить, а потомъ постепенно и къ прокламаціямъ перейти. Вѣдь ходятъ же собаки съ корзинками въ лавку за покупками, замерзающихъ откапываютъ, утопающихъ вытаскиваютъ — значитъ, и прокламаціи разбрасывать вполнѣ могутъ.

— Ну, до свиданья — тебѣ налѣво сейчасъ, прервалъ Крюковъ увлекшагося Васина, показывая на переулокъ, въ которомъ онъ жилъ.

— Одну минуту. Какъ у насъ насчетъ знамени? Вѣдь девятнадцатое-то февраля не за горами, а за плечами.

— Знамя у Рыжова на заводѣ спрятано.

— Ладно. А ужъ телеграфныя да телефонныя проволоки я во всякое время съумѣю перехватить....

— Какъ? это еще для чего?

— А для того — отвѣчалъ рѣшительнымъ тономъ Васинъ. Въ случаѣ забастовка или другая какая нибудь каша заварится — сунется заводское начальство къ телефону, а тутъ стопъ машина, проволоки не дѣйствуютъ, гроза поднимается! Ну, однако до свиданья.

И Васинъ, крѣпко пожавши Крюкову руку, направился въ свой переулокъ, напѣвая въ полголоса:

Все, чѣмъ держались троны —
Дѣло рабочей руки:
Сами набьемъ мы патроны,
Къ ружьямъ приладимъ штыки...

К. Мироновъ.